

Б. М. ХорошиловНовосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: bmh@ngs.ru**В ПОИСКАХ ИДЕАЛЬНОГО СИМВОЛА (КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ)**

В статье предлагаются некоторые критерии идеального (в когнитивном смысле) символизирующего. Приводятся аргументы в пользу предположения о том, что наилучшим приближением к идеальному символизирующему является субъект активности. Атрибуция субъектности символизируемому, таким образом, рассматривается как важный механизм когнитивного функционирования и развития.

Ключевые слова: символ, идеальное символизирующее, субъект активности, атрибуция субъектности, символическая функция.

The article suggests some criteria of the ideal symbolizing in its cognitive meaning. Arguments are given to support the thesis that the closest to the ideal symbolizing is a subject of activity. Attributing of subjectivity is treated as an essential mechanism of cognitive functioning and development.

Key words: symbol, subject of activity, attributing of subjectivity, ideal symbolizing.

Ранее (см.: [11]) автор настоящей работы привел ряд аргументов в пользу важности включения в систему общеметодологических психологических понятий категории «символ», перспективности опоры при этом на многолетние и разносторонние исследования этой категории А. Ф. Лосевым [3–6], а также связи категорий «психический образ» и «символ».

В рамках решения данной задачи предметом настоящей работы является исследование когнитивных и индивидуально-психологических аспектов символического – символа как средства интеграции, упорядочивания, экстерииоризации и регуляции когнитивного опыта субъекта (в отличие от преобладающей ориентации на аффективно-регуляционные и социокультурные проявления символического).

Прежде чем мы перейдем к обсуждению проблемы, хотелось бы уточнить некоторые терминологические вопросы.

Будем исходить из трактовки символа по отношению к вещи как «*принципа ее конструирования или как ее порождающей модели*», развиваемой А. Ф. Лосевым [6. С. 43].

По Лосеву, «...символ является не просто функцией или отражением вещи, но функция эта разложима здесь в бесконеч-

ный ряд, так что, обладая символом вещи, мы, в сущности говоря, обладаем бесконечным числом разных отражений, или выражений, вещи, могущих выразить эту вещь с любой точностью и с любым приближением к данной функции вещи <...> Насколько нам удалось заметить, именно эта черта, то есть модельное и закономерное, системное разложение той или иной обобщенной функции действительности в бесконечный ряд частных и единичностей, как раз и является наиболее оригинальной чертой в понятии символ. <...> Всякий символ указывает на некоторый предмет, выходящий за пределы его непосредственного содержания. Он всегда содержит в себе некоторого рода смысл, но не просто смысл самих вещей, отражающих друг друга.. Смысл всегда указывает на нечто иное... здесь речь идет не просто об ином, но о том сознании и о том мышлении, в котором вещь отражается. <...> Всякий символ всегда есть некоторого рода обобщение. <...> Символ вещи есть ее закон и в результате этого закона определенная ее упорядоченность, ее идейно-образное оформление <...> Символ вещи есть ее выражение... Выражение вещи есть такая ее внутренняя жизнь, которая проявила себя внешним образом, и такая внешняя сторона

вещи, которая указывает на ее внутреннюю жизнь. <...> Символ вещи есть внутренне-внешне выразительная структура вещи, а также ее знак по своему непосредственно-му содержанию не имеющий никакой связи с означаемым содержанием. <...> Всякий символ вещи, лица или события есть их выражение в случае заметной значительности этих предметов символа; но отнюдь не всякое выражение есть обязательно символ» [6. С. 11, 21, 24, 26–27, 28, 29]. Лосев подчеркивает, также, что, отображая действительность и являясь продуктом ее осмысления, символ является напряженным побудителем активности, действий.

Лосев проводит четкую границу между символом и близкими категориями: аллегорией, сравнением, натуралистической копией, реалистическим образом, метафорой, типом, мифом и, наконец, понятием [6. С. 110–150]. Поскольку в контексте данного исследования наиболее важным представляется соотношение символа и понятия, приведем еще одну цитату: «Функциональность и отражение действительности, обобщенность единичных явлений, закономерность соотношения общего и единичного и возможность разложения в бесконечные ряды – все это дается в символе непосредственно-интуитивно, в понятии же – мыслительно-дискурсивно. *Ни в каких других отношениях нет возможности противопоставлять символ и понятие* (курсив наш. – Б. Х.)» [6. С. 149].

В соответствии с этим выводом когнитивный статус символического в психической жизни человека очень высок – ничуть не меньше понятия. Этот подход перемещает *символическую функцию* [7. С. 179] в центр *когнитивного развития и функционирования* не только в ограниченный период возрастного развития (дошкольный возраст), как полагали выдающиеся генетические психологи Пиаже [7; 10; 12; 13; 14], Валлон [1], но и на протяжении всей жизни человека в тех важных сферах когнитивного функционирования, где концептуализация весьма затруднена или даже невозможна.

В данной работе будем придерживаться также разграничения знака, индекса и иконы (символа) введенного Ч. Пирсом [8] и принятого Ж. Пиаже [7. С. 179–181] в психологии (имея, кроме того, в виду, что и в отечественной, и в зарубежной литературе термин

«символ» часто употребляется как синоним термина знак, так же его использовал и Ч. Пирс: икона, индекс, символ).

Следует подчеркнуть также, что символ в понимании А. Ф. Лосева – более сложное означающее, чем икона или индекс, по Ч. Пирсу [8]: далеко не всякая «икона» есть символ – натуралистическая копия, тип, например. Помимо этого, хотя символ в общем случае не есть индекс, если гомология означающего и принципа конструирования означаемого не является поверхностной и случайной, символ по крайней мере включает в себя индексы означаемого.

Вслед за Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [2] будем обсуждать главным образом *когнитивные* аспекты символа и символических отношений, подобно тому как они рассматривали это для языковых метафор. При этом мы, опираясь на А. Ф. Лосева, который строго различает художественную и языковую метафору, с одной стороны, и символ – с другой [6. С. 126–129], будем избегать термина «метафора», несмотря на весьма распространенное использование его как синонима символа.

Если исходить из функций символа, прежде всего когнитивной, то правомерно поставить вопрос об *идеальном символе*, наиболее полно и всесторонне реализующем все свои функции: какие объекты, явления, доступные познающему субъекту, могут быть наилучшими символизующими.

Попробуем сформулировать требования к идеальному символизующему, делая при этом акцент на когнитивных его возможностях в соответствии с задачей следования.

1. *Многомерность, сложность, целостность.* Символизующее должно быть сложнее, многограннее, целостнее символизуемого, что является предпосылкой к более целостному, многомерному, интегрированному отображению разных аспектов символизуемого. Несомненно, что презентация символизуемого в одном структурированном символе предпочтительнее отображения в большой совокупности пусть понятных, простых, но *одномерных* и слабо связанных между собой символов. Многомерность означающего позволяет также использовать его одновременно для многих означаемых и таким образом интегрировать весьма разнородный опыт. Кроме того, в этом случае символические системы становятся более ком-

пактными и экономичными означающими. Объект, в котором выкристаллизовались наиболее универсальные и общие закономерности организации и функционирования сложных целостных объектов, имеет максимальные когнитивные потенции как символизирующее по отношению к любым достаточно сложным и целостным объектам и явлениям.

2. *Универсальность*. Идеальное символизирующее должно иметь весьма широкую область определения, чтобы символов, означающих самые разные стороны действительности, не было слишком много, иначе символическое описание не будет достаточно компактным.

3. *Широкие возможности образования связей с другими символами и способность образовывать системы символов*. Символы обычно редко встречаются изолированно. Речь должна идти о системах символов, а условие включенности в систему – способность устанавливать разнообразные связи и отношения, занимать разные места и выполнять разные функции в системе.

4. *Модульность*. Идеальное символизирующее в равной мере может означать часть какого-либо объекта, объект в целом, целое из объектов и т. д. или, говоря языком теории систем, – подсистемы, систему, метасистему, метаметасистему и т. д., иначе говоря, выступать как элемент конструктора с широкими возможностями.

5. *Доступность познающему субъекту*. Такое символизирующее должно «быть всегда при» познающем субъекте, т. е. актуализироваться, «представать перед...» по первой надобности.

6. *Управляемость, операбельность*. Поскольку символ, по А. Ф. Лосеву, – не только «принцип конструирования» означаемого, но и его «порождающая модель», идеальный символ должен позволять легко и безошибочно развернуть весь бесконечный ряд выражений означаемого.

7. *Транслируемость*. Даже самые индивидуальные и интимные символы в определенных ситуациях должны быть передаваемы другим людям (насколько это вообще возможно применительно к символу), поскольку человек – существо социальное. Без транслируемости и определенной степени общезначимости символов невозможно никакое достаточно сложное и содержательное

человеческое общение, передача наиболее тонких и сложных пластов культурно-исторического опыта, в том числе и его когнитивных аспектов.

8. *Аффективная многомерность, спектральное богатство, пластичность аффективно-побудительной составляющей*. Идеальное символизирующее должно и достаточно индивидуализировано, тонко, дифференцированно *выражать* сложный эмоционально-экспрессивный «паттерн» отношения субъекта к символизируемому, без этого нет символа, он мертв и даже в когнитивном плане пуст: информирует, но не акцентирует, не побуждает к осмысливанию, исследованию, предвидению, т. е. не ориентирует в достаточной мере в символизируемом.

Если задаться вопросом, какого рода объекты, явления наиболее часто, разнообразно и продуктивно используются человеком на протяжении всей доступной нам истории в качестве символов, то ответ очевиден: антропоморфные и существаподобные¹ символы, в которых означающим могут быть живые существа и им подобные материальные и нематериальные сущности, животные и люди, как носители субъектных свойств (воспринимающие, переживающие, мыслящие, действующие, к чему-то стремящиеся) и им подобные материальные и нематериальные сущности, живые персоны с характером, социальным статусом и набором ролей и т. д. и персоноподобные материальные и нематериальные сущности. Такими символами пропитаны на протяжении всей доступной нам истории религиозные, философские, социальные, бытовые, материально-технические представления человека о себе, социуме, предметном мире и универсуме. Многие другие символы можно отнести к категории индексов (Ч. Пирс) *антропоморфных символов*, являющихся их частью, атрибутом, продуктом активности и т. п., иначе говоря, означающими означающих (означающими второго порядка).

Определяется ли предпочтение антропоморфных символов главным образом их аффектив-

¹ Под «существом» в данной работе подразумевается материальный или идеальный, воображаемый объект, явление, которому приписываются свойства животного или человека: активность, целенаправленность, определенная морфология и поведение, а зачастую и «субъектность», понимаемая как наличие внутренней психической жизни (восприятия, переживания, побуждения) хотя бы в редуцированном виде.

но-регуляционными возможностями *или они и в когнитивном плане* имеют заметные преимущества и могут рассматриваться как достаточное приближение к идеальным символизирующим? Рассмотрим этот вопрос подробнее.

В качестве символизирующего может выступать не только тело, действия, взаимоотношения людей, но и доступная только познающему субъекту его собственная психическая организация (субъектность), которой он и наделяет означаемое, которая выражает в этом случае некое ядро, сущность означаемого – «порождающую модель», по А. Ф. Лосеву.

Есть основания предполагать, что ядром антропоморфных символов является их *субъектность* или «субъектоподобность» (воспринимающие, переживающие, мыслящие, действующие, к чему-то стремящиеся). Под субъектом будем понимать человека как носителя психики (специфически человеческой и в своих наименее социализированных проявлениях).

Именно субъект представляется наиболее перспективным (в когнитивном плане) символизирующим, наилучшим приближением к идеальному символу. Попробуем обосновать эту гипотезу, сопоставив характеристики субъекта и идеального символа.

1. *Многомерность, сложность, целостность.* Субъект является такой же чувственно данной вещью, как и любая другая. Но при этом его чувственная ткань богаче, целостнее, организованнее, концентрированнее выражает многообразие и структурную сложность проявлений материального мира, чем любая другая вещь, ведь структурно-функциональная организация субъекта в наиболее обобщенном и концентрированном виде отображает эволюционный, исторический и индивидуальный опыт *взаимодействия* живого организма с самыми разнообразными аспектами окружающего мира.

2. *Универсальность.* К любому объекту или явлению можно отнести как к существу либо как процессу / результату активности какого-то существа, поскольку структурно-функциональная организация субъекта в наиболее обобщенном виде *отображает универсальные закономерности окружающего мира*, так как является вершиной биологической адаптации к окружающему миру – концентрированным эволюционным опытом отражения объективного мира и взаимодействия биологического вида и инди-

вида с ним. Практически любой объект или явление можно описать как некое существо, которому присуща большая или меньшая автономность, различие внешнего и внутреннего, определенная степень активности, некий «характер» и т. д. Чем сложнее объект или явление, тем продуктивнее используется «метафора» существа. Эта «метафора» настолько сильна, что, возможно, только монотеистические религии (особенно христианство) помогли зарождающейся науке освободиться от «застывания» на символическом уровне познания своего предмета.

3. *Широкие возможности образования связей с другими символами.* Субъект имеет многочисленные и разнообразные связи как с другими субъектами, так и с прочим окружением, поэтому в качестве символизирующего по данному критерию является наилучшим (из имеющихся потенциальных символизирующих) приближением к идеальному символу.

4. *Модульность.* Субъект как символизирующее может означать как конкретные объекты, так и системы этих объектов, системы систем таких объектов и т. д., а значит, содержать единый «код» при описании себя, других людей, социума и природного окружения на разных уровнях. Части объекта или комплексы взаимодействующих объектов могут быть представлены как «существа» более низкого или высокого уровня. Объекты от атома до универсума в целом могут быть описаны одним и тем же символизирующим.

5. *Доступность познающему субъекту.* В качестве символизирующего выступает объект наиболее знакомый, подобный познающему субъекту, всегда непосредственно чувственно данный, а на определенном уровне онтогенетического развития относительно легко представляемый и позже – вообразимый: субъект не только непосредственно дан себе, но может представить ряд своих прошлых состояний и даже вообразить, экстраполировать какие-либо состояния в новых обстоятельствах в будущем.

6. *Управляемость, операбельность.* Управляемость, доступность для манипуляций, трансформаций символизирующего, обусловленная, в частности, наличием таких механизмов, как подражание, воображение, эмпатия. Если символ, согласно А. Ф. Лосеву, по отношению к вещи – «принцип ее конструирования, ее порождающая модель», то

именно активный, действующий субъект с его разнообразными операциональными возможностями как никакое другое символизующее подходит для этой функции.

7. *Транслируемость*. Поскольку партнер по общению – тоже субъект, то в той мере, в которой он имеет подобную организацию, ему доступна такая символизация. Другие символизующие в этом отношении в гораздо большей степени зависят от соответствия содержания индивидуального опыта общающихся людей.

8. *Аффективная многомерность, спектральное богатство, пластичность аффективно-побудительной составляющей*. Субъект как символизующее также обеспечивает наилучшие условия для интеграции когнитивного и аффективного в символе, так как символизующее характеризуется богатством и разнообразием аффективных составляющих различных состояний субъекта.

Таким образом, символика существа или человека как «субъектов» открывает возможности для наиболее универсального и содержательного описания структурно-функциональной организации, процессов и состояний любых достаточно сложных объектов и явлений. Субъектность как символизующее имеет практически неограниченную область символизуемого, поэтому можно полагать, что в истории когнитивного развития человека символика субъектоподобных существ сыграла совсем не последнюю роль. Однако развернутое обоснование этого выходит за пределы компетенции данного исследования. А как обстоят дела в онтогенезе?

Наиболее основательно символическая функция в онтогенетическом плане исследовалась Ж. Пиаже. В ряде работ [12; 13; 14] он эмпирически исследовал проявления «анимизма», «артифициализма»² у детей раннего и дошкольного возраста.

² Следует различать использования этих терминов Пиаже и общепринятое их применение. Пиаже не утверждает и не отстаивает положение о мифологичности сознания ребенка и в частности о мифологизации предметов и явлений, которые он наделяет субъектностью, в то время как в обычном употреблении этих терминов это само собой разумеется. В этой связи приведем соображения А. Ф. Лосева о различии между символом и мифом: «... в мифе мы находим субстанциальное (или попросту говоря, буквальное) тождество образа вещи и самой вещи, в то время как другие структурно-семантические категории говорят только о том или другом отражении вещей в их образах» [6. С. 139].

Он предложил также свое объяснение возникновения символической функции у ребенка, связывая его с имитацией, а точнее с отсроченной имитацией [7. С. 181–182], а также с игрой [14]. Вместе с тем проявления ребенком «полагания субъектом», «атрибуции субъектности» объектам и явлениям окружающего мира не рассматривались Пиаже как важный механизм когнитивного развития, скорее как проявление недифференцированности субъекта и объекта, живого и неживого и т. п.

Более того, и сама символическая функция рассматривалась скорее негативно и как преходящая фаза в когнитивном развитии, которое безусловно связывалось с операциональными структурами интеллекта. В этом сказались и общая рационалистическая установка Пиаже в отношении когнитивного развития. В этом отношении когнитивный статус символического в философской концепции А. Ф. Лосева существенно выше и не ограничивается узкими возрастными рамками. И это не только в области, где приоритет символа очевиден, – мы имеем в виду искусство, религию. Но и в работах А. Ф. Лосева явного указания на особую роль символики «существ» в когнитивном развитии и в когнитивной организации человека нам найти не удалось. А. Валлон отмечал, что ребенок подражает сначала другому человеку и лишь потом и другим объектам, причем рассматривал подражание как механизм появления у ребенка представлений [1]. Это можно рассматривать как косвенное свидетельство в пользу вышевысказанного, так как символизация себе подобного предшествует символизации отличающегося объекта.

Более прямым свидетельством являются данные из области лингвистики. Особенно интересно то, что сама структура языка, речевого сообщения – выделение субъекта и предиката, атрибутов субъекта, времени, места и обстоятельств действия и т. п. – достаточно сильное свидетельство ориентированности структуры и организации языка на описание субъекта. Еще более интересны попытки найти универсальный глубинный семантический код (Ч. Филмор, например). Одно перечисление ключевых категорий такого кода достаточно выразительно: актер, действие, объект, инструмент, пациент [9].

Вместе с тем достаточно прямых и недвусмысленных эмпирических свидетельств в пользу особой значимости для когнитивно-

го развития и функционирования атрибуции субъектности как акта символизации нами не найдено. Поэтому так актуальна эмпирическая валидизация гипотезы.

Список литературы

1. *Валлон А.* От действия к мысли. М., 1956.
2. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004.
3. *Лосев А. Ф.* Философия имени // Лосев А. Ф. Из ранних произведений. М.: Правда, 1990. С. 11–194.
4. *Лосев А. Ф.* Диалектика мифа // Лосев А. Ф. Из ранних произведений. М.: Правда, 1990. С. 393–599.
5. *Лосев А. Ф.* Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993.
6. *Лосев А. Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1995.
7. *Пиаже Ж.* Психология интеллекта // Пиаже Ж. Избр. психол. тр. М.: Междунар. пед. академия, 1994. С. 51–235.
8. *Пирс Ч. С.* Избр. филос. произв. М.: Логос, 2000.
9. *Филмор Ч.* Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1981. Вып. 10. С. 369–495.
10. *Флейвелл Дж.* Генетическая психология Ж. Пиаже. М.: Просвещение, 1967.
11. *Хорошилов Б. М.* Психический образ и символ // Модернизм в психологии: Сб. материалов Всерос. конф. 14–15 мая 2004 г. Новосибирск, 2005. С. 76–86.
12. *Piaget J.* The child's conception of the world. N. Y.: Harcourt, Brace, 1929.
13. *Piaget J.* The child's conception of physical causality. L.: Kegan Paul, 1930.
14. *Piaget J.* Play, dreams and imitation in childhood. N. Y.: Norton, 1951.

Материал поступил в редколлегию 24.11.2006